

«Убит под Номонханом»: создание культа героя как пример антисоветской пропаганды в среде российской дальневосточной эмиграции (1939–1945 гг.)

© 2019

Е.В. Яковкин

В статье описывается гибель русского эмигранта М. Натарова в военном конфликте 1939 г. у реки Халхин-гол, в котором на стороне Японии участвовали представители эмиграции. На примере создания культа героя, погибшего в боях с советскими войсками, анализируются методы и эффективность пропагандистской деятельности эмигрантских организаций и японских военно-административных органов на территории Маньчжурии.

Ключевые слова: российская эмиграция, отряд Асано, Маньчжоу-го, военный конфликт на реке Халхин-гол, Квантунская армия, Харбин.

DOI: 10.31857/S013128120004648-3

В вооруженном конфликте у реки Халхин-гол в мае—августе 1939 г. между советско-монгольскими и японо-маньчжурскими войсками на стороне японцев сражались русские эмигранты, служившие в отряде Асано. Об их участии в боях можно узнать из российской эмигрантской прессы того времени¹. Ценным источником информации о привлечении эмигрантов к боевым действиям являются личные дела участников тех событий, ныне хранящиеся в российских архивах². В зарубежной историографии можно выделить работы П. Балакшина, Дж. Стефана, Нисихара Юкио³. В отечественной историографии проблемы российской эмиграции в Китае и Маньчжурии долгое время почти не освещались. Лишь начиная с 1990-х годов к ним возник устойчивый интерес исследователей⁴.

В ходе боев у реки Халхин-гол погиб Михаил Натаров, один из военнослужащих отряда Асано, входившего в состав маньчжурских воинских формирований. Его имя стало использоваться прояпонскими эмигрантскими организациями в пропагандистских целях — для нагнетания антисоветских, антикоммунистических, антикоминтерновских настроений в среде российских эмигрантов. Анализ того, как использовали имя Натарова в антисоветской пропаганде, позволяет понять, в каком информационном поле жили российские эмигранты, что требовали от них японо-маньчжурские власти, а также общую обстановку в Харбине того времени. Особенно важный вопрос: насколько эта пропаганда была эффективной и позволяла японской администрации рассчитывать на существенный приток русских добровольцев в ряды маньчжурской армии.

Яковкин Евгений Васильевич, аспирант Пермского государственного национально исследовательского университета; преподаватель истории (ГБПОУ Колледж олимпийского резерва Пермского края). E-mail: yakowkin.evgenij@yandex.ru.

После окончания гражданской войны на Дальнем Востоке в 1922 г. часть бывших подданных Российской империи осела в Китае. Основным местом расселения российских эмигрантов была Маньчжурия — северо-восточный регион Китая. Здесь со времен строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) проживала значительная русская диаспора. Неофициальной столицей российской эмиграции был город Харбин. В 1931 г. в Маньчжурию вторглись японские войска, и в 1932 г. на этой территории было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, находившееся под полным контролем японских военных властей. В то время в Маньчжурии проживало 110 тыс. русских эмигрантов, к 1938 г. их численность снизилась до 58 тыс. человек⁵. Это во многом было связано с нежеланием эмигрантов подчиняться тем правилам, которые были установлены новыми властями. Большинство эмигрантов уехали в Шанхай и другие города Китая, которые были не подконтрольны японским властям. Вся деятельность российских эмигрантов в Маньчжурии контролировалась органами Японской военной миссии (ЯВМ). В 1934 г. по распоряжению ЯВМ в Харбине было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжоу-го (БРЭМ)⁶, которое должно было контролировать и управлять русской диаспорой в регионе. В конце 1935 г. на учете в Бюро состояли 23 500 человек и 163 эмигрантские организации⁷.

В среде российских эмигрантов в начале 1930-х годов преобладали в основном антисоветские настроения, чем и воспользовались японские власти. При содействии БРЭМ российские эмигранты стали привлекаться на службу в различные военизированные подразделения. Вначале это была горно-лесная и железнодорожная полиция, а в 1938 г. таким формированием стал отряд Асано. Свое название отряд получил по имени командира — майора японской армии Асано Макото. Служба в этих военизированных формированиях была добровольной, но отбор проводили сотрудники БРЭМ. Военнослужащие получали денежное содержание. Так, у офицеров был довольно высокий оклад: обер-офицеры — от 1400 тыс. до 2160 тыс. гоби (денежная единица Маньчжоу-го, 1 гоби равнялся 1 иене. — *Е.Я.*) в год, штабные офицеры — от 2760 тыс. до 4580 тыс. гоби в год⁸. Отряд Асано был создан для проведения диверсионной и разведывательной деятельности на границе между Маньчжоу-го и СССР, местом расположения отряда стали казармы вблизи железнодорожной станции Сунгари-2⁹. Именно с этим отрядом и связал свою судьбу Михаил Натаров.

Михаил Александрович Натаров родился 18 февраля 1918 г. в Китае, на железнодорожной станции Бухэду. Родители Натарова были служащими КВЖД. Еще ребенком он потерял родителей и остался сиротой на попечении родственников. В 1931 г. Михаил поступил в 1-ю железнодорожную гимназию, но из-за финансовых трудностей вынужден был бросить учебу. В 1934 г. он поступил и через год окончил 1-е русское реальное училище. Там он вступил в спортивное общество «Витязь». Родившись и живя вне своей исторической родины, Михаил, тем не менее, был воспитан патриотом России, настроенным решительно антикоммунистически. В политическом отношении Михаил Натаров называл себя монархистом¹⁰. Надеясь найти какую-то работу или пойти на военную службу, Натаров прошел краткосрочные радиотехнические курсы в Харбине. В 1937 г. он поступил на службу в горно-лесную полицию, а уже оттуда попал в разведывательно-диверсионный отряд Асано, где дослужился до чина младшего унтер-офицера. Во время тяжелых боев у Номонхана¹¹ группу асановцев-связистов направили на опасный участок. Согласно советским документальным источникам в те дни это был район Номон-Хан-Бурд Обо. Именно в этом районе шли тяжелые бои на земле и в воздухе¹². Связистами отряда Асано командовал майор Ниимура Мацуити¹³. Кроме Натарова в группу асановцев, действовавших на фронте, вошли подполковник Н.Б. Коссов, рядовые и унтер-офицеры В. Тырсин, А. Поротников, Г. Ефимов, С. Козловский, Б. Цыганков¹⁴. В ходе боев был ранен и контужен Н.Б. Коссов, которого отправили на лечение в Японию¹⁵.

22 июля 1939 г. русские асановцы понесли единственную потерю среди личного состава — в бою был убит Михаил Натаров¹⁶. На личной книжке Натарова написано: «Убит под Номонханом»¹⁷.

Сразу после гибели началась героизация образа Михаила Натарова. Вот как спустя несколько лет возвышенно описывал его гибель подполковник армии Маньчжоу-го Гурген Наголен¹⁸: «Юноша-воин пал смертью храбрых на боевом посту, во время исполнения им ответственного задания. Он мог спасти свою жизнь, перейдя во время бомбардировки в безопасное место, но не считал для себя это возможным. На предложение уйти из сферы огня Михаил Натаров ответил: “Моё место здесь”, и продолжал выполнять свои обязанности под градом бомб. Несколько минут спустя одна из бомб прервала жизнь юного рыцаря долга и чести»¹⁹. Имя Натарова на протяжении последующих лет БРЭМ использовало для проведения как мемориальных, так и антисоветских агитационно-пропагандистских мероприятий среди российских эмигрантов.

27 августа 1939 г. состоялось торжественное захоронение праха М.А. Натарова. При значительном скоплении русских эмигрантов была устроена пышная церемония с выносом гроба и траурным шествием. Впереди процессии один из асановцев нес посмертную награду Натарова — японский Орден Восходящего Солнца 8-й степени, которую очень редко получали иностранцы. Отпевание усопшего совершили священники Русской православной церкви за границей архиепископы Мелетий и Нестор, епископ Ювеналий. Архиепископ Мелетий призвал молиться за душу убиенного воина. Натаров был захоронен в ограде Свято-Николаевского собора в Харбине. На похоронах присутствовали кроме сослуживцев представители ЯВМ во главе с генералом Хата Хикасибуро, высшие чины маньчжурской армии, представитель «Общества согласия», общественной организации созданной в Маньчжоу-го, Р. Като, руководство БРЭМ во главе с генералом В.А. Кислициным. Натаров был объявлен героем, павшим в борьбе с Коминтерном. Като заявил, «что кровь пролитая Натаровым, крепит единение всех народов Маньчжу-Диг-Го»²⁰. 3 сентября 1939 г. в своем обращении к российской эмиграции Кислицин объявил день похорон Натарова «днем памяти героев». Следующим этапом стал сбор денег для памятника борцам с Коминтерном²¹.

Сбором средств на памятник занимались активистки Русского сектора созданного в 1939 г. Женского общества обороны Маньчжоу-Го, которое было призвано оказывать содействие маньчжурской армии. Руководительницей Русского сектора была О.В. Кислицина²², супруга начальника БРЭМ. 7 ноября 1940 г., в отмечаемый русской эмиграцией «день скорби и непримиримости»²³ состоялась закладка памятника, а 8 июня 1941 г. он был открыт. Авторами памятника стали архитекторы Н.И. Захаров и П.С. Свиридов. Памятник представлял небольшую часовню в русском стиле и располагался на Соборной площади напротив Свято-Николаевского собора в Харбине. Внутри часовни-памятника был помещен саркофаг, в котором находились списки «героев, павших в борьбе с коммунизмом». Кроме имени Натарова в нем были имена знаменитых военачальников Белого движения — адмирала А.В. Колчака, генералов Л.Г. Корнилова, В.О. Каппеля и др.²⁴ На торжественном открытии памятника присутствовали начальник ЯВМ в Харбине генерал Янагита Гэндзо, все руководство БРЭМ во главе с генералом В.А. Кислициным, который выступил с речью. В ней он почтил память последнего российского императора Николая II, всей царской семьи, воинов Белого движения и японских солдат, сражавшихся в Особом маньчжурском отряде атамана Г.М. Семенова. Кислицин особо отметил гибель Натарова: «Мы вспоминаем сегодня русского юношу-героя Михаила Натарова, жизнью своей заплатившего долг благодарности приютившей нас стране за всех нас»²⁵. Памятник стал центром проведения антикоммунистических манифестаций, панихид. Так, 7 ноября 1941 г. в Свято-Николаевском соборе и у памятника была проведена торжественная панихида по всем жертвам Русской смуты²⁶. Такие панихиды устраивались ежегодно, 8 июня, в день открытия па-

мятника и 7 ноября, в «день скорби и непримиримости»²⁷. Могила Натарова также не была забыта. Еще до открытия памятника, 21 апреля 1941 г., русские курсанты добровольческих отрядов «Общества согласия», государственной организации Маньчжоу-Го, посетили могилу «героя Номонхана» и возложили венок. Курсантов сопровождали инструктор по военной подготовке подполковник Н.Б. Коссов, его помощник Е.А. Юрин, чиновники особого отдела «Общества согласия» Онака, Мияма, В.С. Абрамов, Л.В. Вашута, В.С. Барышников и др.²⁸

Ежегодно ко дню гибели Натарова в русскоязычной эмигрантской прессе выходили посвященные ему заметки и статьи. В первую годовщину была опубликована статья начальника БРЭМ генерала В.А. Кислицина, в которой он называл Натарова примером высшей доблести и служения долгу. Возвеличивание и создание культа Натарова среди российских эмигрантов в Маньчжурии не прекратилось и после заключенного в апреле 1941 г. Пакта о нейтралитете между Японией и СССР. В связи с этим событием начальник ЯВМ генерал Янагита заверил, что отношение к русской эмиграции останется неизменным, призвав сплотиться вокруг ЯВМ²⁹. В 1941 г. в главном печатном органе БРЭМ, газете «Голос эмигрантов», вышла статья К. Воеводина «Светлой памяти героя. К 2-летию гибели М. Натарова». Автор напомнил, с какой искренней скорбью эмиграция прощалась с героем. Он подчеркнул, что образ Натарова «...стал для русской эмигрантской молодежи символом самоотвержения и доблести». В заключение Воеводин писал: «Два года истекло, но скорбь наша, вызванная этой потерей не заглухнет, пока русская эмиграция будет свято следовать отцовскому принципу своей идеологии — борьбе с коминтерном. Тень Михаила Натарова будет незримо вставать над нами и в те славные дни, когда мы втянемся в последний бой, который сокрушит коминтерн»³⁰.

В действительности же «отцовский принцип» в среде русской молодежи постепенно стал забываться. Как сообщал внедренный в ЯВМ агент ИНО ГУГБ И.С. Ильин³¹, молодое поколение всё больше сочувствовало своей исторической родине, на которую напал грозный враг³². В третью годовщину гибели Натарова, в июле 1942 г., в газете «Голос эмигрантов» вышла новая заметка «Памяти героя М. Натарова». Автор отметил, что Натаров, будучи больным, не покинул поля боя и пожертвовал своей жизнью ради борьбы с Коминтерном и своей второй родины. Пытаясь связать смерть Натарова с текущими событиями, он писал: «Для нашей молодежи он стал примером того, как надо любить Россию и отдавать за нее всё — вплоть до жизни. Теперь, под ударами молотов войны, Россия воскресает для новой жизни. Ей будут нужны Натаровы и наша эмигрантская молодежь должна знать это... Вместе с героями Армии Ниппон (Японии. — *Прим. ред.*) он сражался за общие идеалы и завещал эмиграции продолжить борьбу за великое дело — устройства Восточной Азии, и всего мира на началах справедливости и добра»³³. По свидетельству агента И.С. Ильина, пропаганда «героя» Номонхана Натарова никак не повлияла на умы большинства эмигрантов. Антисоветский настрой в среде российской эмиграции постепенно ослабевал³⁴. Представители ЯВМ, понимая это, еще более усилили пропагандистскую обработку эмигрантов, в том числе продолжая использовать имя Натарова.

В конце 1943 г. М.А. Натаров был посмертно награжден правительством Маньчжоу-го еще одной медалью «За участие в пограничных инцидентах»³⁵. Медаль³⁶ была учреждена императорским эдиктом № 310 от 25 ноября 1940 года³⁷, т.е. уже после его гибели. Эту награду вручали в основном военнослужащим Японской императорской армии и армии Маньчжоу-го, принимавшим участие в сражениях у реки Халхин-Гол в мае—августе 1939 г.³⁸ Медаль была передана руководству БРЭМ, которое вручило ее ближайшей родственнице Натарова, его старшей сестре Людмиле Александровне Котеговой-Македонской. Торжественную церемонию 16 декабря 1943 г. провел новый начальник БРЭМ генерал Л.Ф. Власьевский. В своей краткой речи он сказал, что «герой

Михаил Натаров будет всегда служить примером для российской эмигрантской молодежи»³⁹. Котегова-Македонская в дальнейшем постоянно подчеркивала, что она сестра героя, пытаясь таким образом получить хоть какие-то выгоды от этого родства. Ей удалось устроиться на работу в БРЭМ машинисткой, а затем она перешла работать в Союз русских резервистов армии Маньчжоу-го⁴⁰.

Одно из последних упоминаний о Натарове относится к 1944 г. В пятую годовщину со дня гибели Натарова, 22 июля 1944 г., прошла очередная панихида. Около могилы Натарова собрались начальник Союза русских резервистов армии Маньчжоу-го подполковник Г. Наголен, бывший командир отряда, на тот момент советник Союза русских резервистов⁴¹ полковник Асано, сами резервисты, а также православное духовенство. Панихиду совершили настоятель Свято-Николаевского собора протоиерей Л. Викторов, протоиерей О. Светлов и протодиакон С. Коростель. В харбинской газете «Время» по этому поводу было напечатано: «Имя Михаила Натарова лучшего представителя эмигрантской молодежи, навсегда запечатлелось в русских сердцах и вписано в историю борьбы с коммунизмом. Героическая смерть юноши-воина на фронте под Номонханом при исполнении им ответственного задания, окружила его имя ореолом славы»⁴². Больше никаких упоминаний о Натарове как примере для молодого поколения в эмигрантской прессе нами не было выявлено. Хотя о российском воинском формировании армии Маньчжоу-го (преемнике отряда «Асано». — Е.Я.) писали на протяжении 1944–1945 гг.⁴³

Памятник борцам с Коминтерном, а также могила Натарова просуществовали до августа 1945 г. В ходе скоротечной августовской войны между Японией и Советским Союзом части Квантунской армии были разгромлены, и 19 августа 1945 г. в Харбин вступили солдаты Красной армии. Для них Натаров был врагом, поэтому памятник взорвали, а могилу уничтожили⁴⁴. На месте бывшего памятника поставили новый — советским воинам, павшим при освобождении города⁴⁵.

Таким образом, японская военная миссия на территории Маньчжоу-го, являясь проводником милитаристской государственной политики, стремилась настроить все население фактически оккупированной Маньчжурии против СССР, создать надежную базу для формирования и пополнения вспомогательных военизированных отрядов маньчжурской армии и обеспечить лояльность жителей в случае развязывания боевых действий. Для разных групп населения — китайцев, корейцев, русских и др. — использовались отдельные, специально созданные агитационно-пропагандистские структуры, в своей работе учитывавшие национальную самобытность и отличия — религиозные, культурно-языковые, бытовые и др.

В пропагандистской деятельности среди русского населения Маньчжурии японская администрация опиралась на Бюро русской эмиграции (БРЭМ), Женское общество обороны и священнослужителей Русской православной церкви. Но пропагандистская «машина» испытывала явный недостаток в конкретных примерах, которые могли бы стимулировать антисоветские настроения в эмигрантской среде. Поэтому японские власти так активно принялись «раскручивать» русских участников боевых действий в Монголии в 1939 г., прежде всего погибшего на поле боя М. Натарова: началось создание культа юного героя, павшего в борьбе с коммунизмом. Но со временем поддерживать слабеющий интерес к этим людям и этим событиям становилось все труднее. Гибель М. Натарова стала забываться, особенно на фоне развернувшихся грандиозных сражений и проявлений массового героизма русского народа в Великой Отечественной войне.

Попытки мобилизации эмигрантской среды на поддержку Японии особым успехом не увенчались, так как апеллировали к ценностям, не разделявшимся эмигрантской средой. Большинство русских эмигрантов искренне переживали за свою историческую родину, ведущую справедливую освободительную войну, и вовсе не хотели сражаться

и умирать за Японию, союзника фашистской Германии. Что и проявилось в конце войны, когда вооруженные формирования из русских эмигрантов — русские воинские отряды армии Маньчжоу-го разбежались, а часть офицерского состава перешла на сторону Красной армии. Гражданское же население, в том числе и русские жители, приветствовали советских воинов как освободителей.

1. *Ур Вл.* Русский Харбин торжественно предал земле прах своего героя // Рубеж. 02.09.1939. № 36 (605). С. 14–15; Луч Азии. 1939. № 8 (60) С. 1.
2. Государственный архив Хабаровского края (г. Хабаровск). Коллекция БРЭМ; материалы личных дел Государственного архива административных органов Свердловской области (г. Екатеринбург).
3. *Балакишин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т. 1. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк.: Книгоиздательство Сириус, 1958; *Stephan J.* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile. 1925–1945. London: Hamish Hamilton, 1978; *Nishihara Yukio.* Дзэн кироку харубин токуму кикан: Кантогун дзёхобу-но кисэки: [Материалы информационного отдела Квантунской армии: Харбинское управление]. Токио: Майнити симбунся, 1980.
4. См.: *Кайгородов А.* Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 94–103; *Балмасов С.С.* Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007; *Буяков А.М., Смирнов С.В.* Отряд Асано: русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015.
5. *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007. С. 15–16; Что такое Кио-Ва-Кай (Се-Хэ-Хой). Харбин, 1938. С. 3.
6. 1 июня 1940 г. БРЭМ было преобразовано в Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи.
7. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008. С. 50–51.
8. ГАХК. Ф.Р. 831. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
9. *Балакишин П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 244; Из ориентировки 1-го управления НКГБ СССР за 1943 год о школе Асано (Асано Бутай) // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 8: Противостояние 1927–1941 гг. М., 2016. С. 760.
10. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 32795. Л. 1–5.
11. В японской историографии военный конфликт 1939 г. у реки Халхин-гол именуется «Номон-ханский инцидент» по монгольскому названию участка местности, где велись бои — *Номон-хан Бурд Обо*.
12. Оперативная сводка штаба 1-й Армейской группы о результатах действий частей группы и авиации. 23 июля 1939 г. // Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май—сентябрь 1939 г. Документы и материалы. М., 2014. С. 222.
13. *Свойский Ю.М.* Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен. М., 2014. С. 42–46.
14. *Егоров Н.А.* Деятельность иностранных спецслужб на Дальнем Востоке по использованию маньчжурской белоэмиграции в 1922–1941 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 11. С. 53.
15. ГАХК. Р. 830. Оп. 3. Д. 23284. Л. 10.
16. Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 321.
17. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 32795. Л. 8.
18. Одновременно, с конца 1930-х годов он был агентом ИНО НКВД.
19. 5 лет со дня героической смерти Михаила Натарова. Панихида на могиле доблестного воина // Время. 24.07.1944. № 200 (4501). С. 2.
20. *Ур Вл.* Указ.соч.
21. Памятник героям, павшим в борьбе с Коминтерном. Харбин, 1941. С. 7.
22. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 32795. Л. 3.

23. По призыву митрополита Антония Храповицкого, день прихода к власти большевиков в 1917 г. стал отмечаться российскими эмигрантами как «день скорби и непримиримости».
24. Памятник героям, павшим в борьбе... С. 32.
25. Открытие памятника павшим в борьбе с Коминтерном // Луч Азии. 1941. № 6 (82). С. 29–32.
26. Российская эмиграция Харбина в мрачную годовщину Октябрьской революции // Заря. 08.11.1941. № 302. С. 5.
27. Сегодня — панихида у памятника борцам с коминтерном! // Время. 08.07.1944. № 1 55 (4456). С. 3.
28. Курсанты Киова-Кай в гостях у военных инвалидов. Поклонение у памятника Чурейто. Возложение венка на могилу М. Натарова // Заря. 24.04.1944. № 105. С. 5.
29. Отношение властей к эмиграции неизменно // Заря. 25.04.1941. № 106. С. 5.
30. *Воеводин К.* Светлой памяти Героя. К 2-летию со дня гибели Михаила Натарова // Голос эмигрантов. 20.07.1941. № 30 (166). С. 15.
31. ИНО ГУГБ — 5-й отдел (Иностранный) Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел — занимался разведывательной деятельностью, в том числе среди русских эмигрантских организаций.
32. *Ильин И.С.* История российской эмиграции в Маньчжурии [Рукопись] // Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 7. Восточная ветвь: 1920–1928 гг. М., 2015. С. 833–836.
33. *В.Г.* Памяти героя М. Натарова // Голос эмигрантов. 19.07.1942. № 30 (218). С. 15.
34. *Ильин И.С.* Указ. соч.
35. Посмертная награда юноше-герою М. Натарову // Время. 17.12.1943. № 341 (4287). С. 1.
36. Официальное название награды «Знак отличия пограничной службы».
37. Правительственный вестник Маньчжоу-Го. 25 ноября 1940.
38. *Розанов О.Н.* Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии. М., 2008. С. 151.
39. Посмертная награда юноше-герою...
40. ГАХК. Ф.Р. 830. Оп. 3. Д. 23469. Л. 14, 29.
41. Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. АСД П-97686. Т. 2. Приложение № 1. Л. 1–2.
42. 5 лет со дня героической смерти Михаила Натарова. Панихида на могиле доблестного воина // Время. 24.07.1944. № 200 (4501). С. 2.
43. См. например: Молодые русские воины — гордость российской эмиграции. Торжественные проводы новобранцев, призванных в российские воинские отряды // Луч Азии. 1944. № 2 (113). С. 27–29; Праздник Сунгарийского Российского воинского отряда армии Маньчжоу-Го. Торжества на Сунгари 2-ая // Время. 08.05.1944. № 124 (4425). С. 1,3; Российская эмигрантская молодежь — под воинские знамена // Луч Азии. 1945. № 3 (29). С. 18–20.
44. *Кайгородов А.* Маньчжурия: август 1945 // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 95.
45. *Ермолаева Н.* 70 лет назад советские войска вошли в Харбин // Российская газета. 19.08.2015. URL: <https://rg.ru/2015/08/19/harbin-site-anons.html> (дата обращения: 05.08.2018).